

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF MODERN CRIMINOLOGY

УДК 343.9

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(2).177-192

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТУПИКИ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

А.Ф. Московцев¹, А.П. Суходолов²

¹ Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

3 февраля 2020 г.

Дата принятия в печать

8 апреля 2020 г.

Дата онлайн-размещения

30 апреля 2020 г.

Ключевые слова

Криминологическая методология; тупики в криминологической методологии; криминологический мейнстрим; источники методологических тупиков в криминологии; жесткость методологической позиции; методологическая гибкость; криминогенные обстоятельства; криминогенная система; предмет криминологии; локальные социальные системы как предмет криминологического исследования; области криминологического неизвестного; взаимодействие между государством и обществом при определении предмета криминологии; глубина проникновения криминогенных обстоятельств в общество

Аннотация. Основным источником методологических тупиков в науке — жесткость ее базовой теоретической схемы, определяемая принятой методологией. Подобная жесткость препятствует естественному движению науки в распространении своих компетенций на неизвестные области действительности. Попытки применения общего понятия к реальности неизменно наталкиваются на ее разнообразие. Противоречие общего и частных наук разрешается с помощью нахождения между ними промежуточных звеньев. Во всех ситуациях проблематичности общего понятия методология играет роль высоты, позволяющей обозреть все движение противоречия сущности и явления. В истоках криминологии находится гипотеза общества, производящего преступность. В содержании этого общества включается вся совокупность общественных обстоятельств, имеющих криминологическое значение. В российском криминологическом мейнстриме криминогенными считаются обстоятельства, попадающие в пространство социально негативных общественных отношений. Использование для выявления криминологически значимых общественных обстоятельств критерия социально негативных отношений представляет собой главное препятствие для проведения криминологических исследований по многим направлениям. Настоящий вызов для таких исследований — объяснение природы экономических, коррупционных и информационных преступлений. Их основы формируют общественные взаимодействия, находящиеся большей частью в области криминологического неизвестного. Отсюда проблематично выработать глубоко обоснованные научные рекомендации по формированию и проведению политики по противодействию преступности. В процессе исследования мы установили, что криминологически значимые обстоятельства могут принадлежать в принципе любому из возможных аспектов рассмотрения социальной среды. Чтобы общая схема, направленная на выявление криминогенных обстоятельств, не застревала на самом ближнем и непосредственном, во-первых, необходимо учитывать возрастающее значение самостоятельных проявлений общественности во взаимодействии с государством при проведении границ социально негативных явлений. Во-вторых, в качестве промежуточного звена между общей схемой и конкретными общественными взаимодействиями предлагается использовать локальные социальные системы для представления процесса формирования криминогенных обстоятельств во всей его целостности, в переплетении позитивных, негативных и «серых» взаимодействий.

METHODOLOGICAL DEAD ENDS OF MODERN CRIMINOLOGY

Aleksandr F. Moskovtsev¹, Alexander P. Sukhodolov²

¹ Volgograd State Technical University, Volgograd, the Russian Federation

² Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2020 February 3

Accepted

2020 April 8

Abstract. The main source of methodological dead ends in science is the rigidity of its key theoretical construct determined by the accepted methodology. Such rigidity hinders the natural development of science that spreads its competencies to new unknown spheres of reality. Any attempts to apply a common concept to reality invariably come across its variety. The science resolves contradictions between the general and the specific by finding intermediary links between them. In all situations when

Available online
2020 April 30

Keywords

Methodology of criminology; dead ends of criminological methodology; criminological mainstream; sources of methodological dead ends in criminology; hard methodological position; methodological flexibility; criminogenic circumstances; criminogenic system; object of criminology; local social systems as an object of criminological research; areas of the criminological unknown; interaction between the state and the society when determining the object of criminology; the depth of penetration of criminogenic circumstances in the society

a common concept is problematic, methodology plays the part of a high point that makes it possible to observe all shifts in the contradiction between the essence and the phenomenon. Criminology is based on the hypothesis of a society that generates crime. The contents of this society include the whole aggregate of public circumstances that have a criminological significance. Russian criminological mainstream views criminogenic circumstances as those in the sphere of socially negative public relations. The use of the criterion of socially negative relations to identify criminologically relevant public circumstances is the key obstacle for the criminological research in many directions. A true challenge for such research is explaining the nature of economic, corruption and information crimes. Their basics form public relations that are, for the most part, in the realm of the criminological unknown. Hence, it is problematic to produce well-founded recommendations on the development and implementation of a crime suppression policy. In the process of research, the authors determined that criminologically relevant circumstances may, in principle, belong to any of the possible aspects of analyzing the social environment. To prevent the general scheme aimed at identifying criminogenic circumstances from being stuck in the close and the immediate, it is necessary, first of all, to take into consideration a growing significance of independent actions of the community in its interaction with the state when determining the boundaries of the socially negative phenomena. Secondly, it is suggested that local social systems should be used as an intermediary link between the general scheme and specific local social interactions for representing the process of forming criminogenic circumstances in its entirety, in the interconnection of positive, negative and «grey» interactions.

К тупикам в научной методологии мы относим такие ситуации в историческом движении науки, когда методологические знания начинают «проскальзывать», превращаются в самоцель. В области методологии ученые занимаются преимущественно «техническими» деталями своего знания, сосредоточиваются на его подробностях. В этой сфере новое знание производится лишь по форме, а не по существу. Ведь главное назначение методологии состоит в том, чтобы давать импульсы движению научного знания, показывать перспективные направления его развития, стимулировать приращение научного знания.

Характерный пример в этом отношении дает история распространения системного подхода в областях технического и, особенно, гуманитарного знания в позднесоветское время. Попытки его адаптации к нуждам этих наук большей частью вылились в многочисленные имитации формалистического свойства, лишь в малой степени способствовавшие развитию собственно методологического и теоретического знания. Еще более печальную иллюстрацию показывает девальвация созданной К. Марксом уникальной методологической традиции, оставившей после себя не без помощи своих последователей, доминирующих в ее интерпретации, крайне упрощенные, шаржированные образцы мышления. С помощью подобных образцов предполагалось перестроить основания большинства наук, включая математику. Но же-

лаемая перестройка не удалась даже в такой привилегированной сфере ее применения, как политическая экономия социализма, а тем более неудачными оказались все попытки придать ей современные формы. Политическую экономию социализма быстро вычеркнули из числа действующих наук, а политическая экономия в широком смысле слова оказалась на задворках экономического знания. Хотя едва ли не решающую роль в последнем крушении сыграли политика и идеология, а не собственно научные качества рассматриваемых форм знания.

На наш взгляд, приведенные иллюстрации неудач в использовании перспективных методологических позиций — методология «на вырост» — в конкретных науках в большой степени связаны с тем, что в своей массе их адепты оказались не на высоте осваиваемых и продвигаемых ими образцов методологического мышления.

Кроме того, мы видим важную общую закономерность в случаях фиаско методологий: если они не способствуют развитию научных знаний в сферах своего применения, то происходит деградация и самих методологий, и уровня научных знаний об этих сферах. В то же время случаи методологических неудач вовсе не означают, что фрагменты действительно продуктивных методологических традиций не могут с успехом воспроизводиться в современном научном знании.

Конечно, гораздо проще давать ретроспективную оценку уже происшедшим событиям,

чем оценивать текущую ситуацию в науке, а тем более перспективы ее развития. В этой ситуации проблемы и неудачи, как и намеки на лучшее, менее заметны или совсем незаметны, а любые оценочные суждения в виде ярлыков вроде неудачи, тупика, фиаско, бесперспективности и т.п. являются условными и останутся субъективными мнениями в дискуссии.

Однако критичность позиции по отношению к устоявшейся и доминирующей методологии — методологическому мейнстриму — в любом случае должна способствовать прогрессу науки. Длительная консервация устаревшей или устаревающей методологии или вульгаризация перспективной методологии не может не сопровождаться ситуациями, называемыми тупиками в методологии, которые ведут к непродуктивности науки, основывающейся на такой методологии.

Стабильность и прочность методологической позиции позволяют представителям науки чувствовать себя уверенно, используя устоявшиеся модели объекта своего изучения. Опора на уже освоенные и работающие, «готовые» модели, образцы, стандарты добычи научного знания и преподавания представляется очень удобной позицией и поэтому поддерживается большей частью научного сообщества. При нормально протекающих научном и учебном процессах про методологию на некоторое время можно забыть, поскольку при таком положении дел она воспроизводится автоматически. И нет никакой необходимости заниматься разработкой общих научных предпосылок, за которые, собственно, и отвечает методология. Разве только это важно для перспектив входящей в науку молодежи.

Поскольку в методологии речь может идти только о самых общих предположениях об изучаемом наукой объекте, постольку она непосредственно не предопределяет, какими могут быть конкретные свойства этого объекта. Из любой общей посылки всегда возникает множество следствий, видений, трактовок, интерпретаций и т.п. На то она и есть «общая посылка». Более того, многолетние дискуссии о роли методологии, например в экономической теории [1], показывают невозможность сделать выбор правильной теоретической позиции, опираясь на логически выверенное обоснование «реальности» ее предпосылок. Даже само понятие предпосылок теории не является здесь однозначно определяемым [2, р. 3–43], не говоря уже

о том, что во многих гуманитарных науках методология часто задается неявно, присутствует имплицитно, отчетливо не фиксируется и не выводится для обозрения и обсуждения.

Самая общая посылка в криминологии, ее основная методологическая аксиома, воспроизводимая на протяжении всей истории криминологии и зафиксированная в большинстве ее учебников, состоит в утверждении, что преступность составляет органическую часть общества, или даже трансформируется в не менее многозначный тезис: преступность производится обществом. Э. Дюркгейм выразил этот тезис в крайне экстравагантной форме, постулировав «необходимость» преступности для «консолидации» структурированного общества [3, с. 520].

Для криминологической науки значение рассматриваемой посылки заключается хотя бы уже в том, что в ее свете выявляется единство всех видов преступлений, общий источник их происхождения. В соответствии с этим обнаруживается не только видимое многообразие преступности. Отдельные виды преступлений выступают как фрагменты единого целого — общества, которое и является предметом изучения, правда под определенным углом зрения. В отсутствие же такого целого их совокупность составляла бы просто конгломерат.

В то же время в философском смысле в обществе имеет место универсальное взаимодействие между его элементами: все связано со всем. Отсюда понятно, что ни одна научная позиция не способна обеспечить видение всей полноты этих взаимосвязей. Для каждой гуманитарной науки, включая и криминологию, естественной выглядит позиция ограниченного детерминизма, исходя из которой наука выбирает только фрагмент общества или угол зрения на общество для предметного и детального изучения на основании своей специализации и интересов. Например, криминология выработала свой подход к изучению общества, производящего преступность, в виде претензии «выявить сразу всю совокупность взаимосвязей, непосредственно детерминирующих преступное поведение и преступность» [4, с. 311]. Но подобная компетенция видения «всего» своего целого и «сразу» есть результат как раз принятого наукой ограничения: отбрасываются другие фрагменты общества и связанное с ними возможное многообразие взаимодействий, не входящих в границы обозначенного криминологией частичного общественного

целого. Согласно установленной видимости, в совокупность криминогенных обстоятельств включается то, что может иметь криминологическое значение, а что его не имеет — все, что отбрасывается, — не включается в детерминанты преступного поведения, т.е. не несет в себе возможность преступного поведения.

За отправной пункт для развертывания всех криминологически значимых взаимодействий в общественном целом логично принять совокупность зафиксированных фактов преступлений. Тогда, казалось бы, выяснится и вопрос о возможной глубине проникновения преступности в общество, будут определены специфические объекты и проблемы, требующие внимания криминологии. Соответственно, может определиться круг значимых и незначимых для нее общественных взаимодействий. Но при таком подходе совсем не очевидно, насколько далеко от изучения непосредственных фактов преступлений и связанных с ними обстоятельств вглубь общества должна двигаться криминология. Где и на каком уровне понимания связки фактов — обстоятельств она должна или может остановиться в развертывании все более широкого круга обстоятельств, имеющих все более опосредованную связь с рассматриваемыми фактами?

На этом пути вряд ли достижима определенность в понимании границ криминологического предмета, убедительное с точки зрения канонической современной теории познания решение проблемы ограниченного детерминизма. Криминология фиксирует свое внимание на ключевой роли «непосредственности» детерминации преступности некоторыми обстоятельствами общественной жизни, например «действующими» ее причинами. Участвующие в подобной форме детерминации факторы, явления, отношения, связи и т.п. называются криминогенными, им приписывается роль криминогенных обстоятельств. В то же время некоторые из них опять-таки назначаются главными, важными, имеющими решающее значение, другим же приписывается менее значимая (и даже второстепенная) роль. В итоге вся совокупность криминогенных обстоятельств распределяется по своей роли в процессе криминогенной детерминации с помощью некоторой шкалы. В этой шкале после длительной дискуссии появились сначала причины, потом условия и далее факторы преступности; и после этого поиски новых возможностей дифференциации обстоятельств,

сопровождающих преступность, продолжают до сих пор. Искусство криминолога с некоторых пор как раз состоит в том, чтобы разнести все видимые и невидимые криминогенные обстоятельства во множестве разнообразных ситуаций по указанным рубрикам.

Сконструированная таким образом и приведенная выше рубрикация, или оценочная система, обстоятельств на криминогенность обладает, как мы видели, большой долей условности и самостоятельности по отношению к искомому фрагменту общества, порождающего преступность. Более того, как таковая она не принадлежит этому фрагменту, а привносится в него, чтобы структурировать его содержание, состоящее как раз из совокупности криминогенных обстоятельств. Структурированная же совокупность криминогенных обстоятельств есть система криминогенных обстоятельств, или криминогенная система.

Поскольку оценочная система получена за пределами собственно научного знания о совокупности криминогенных обстоятельств, постольку она составляет компонент внешнего по отношению к ним знания. На этом основании мы относим рассматриваемое знание к области методологии. Методологическое знание является прежде всего внешним по отношению к тому научному знанию, которое оно обслуживает. Подобная позиция позволяет выходить за пределы наличных научных знаний и обозревать их со стороны. Иначе, как со стороны, установить всю совокупность обстоятельств, имеющих криминологическое значение, и провести границы того предмета, в который они включены, невозможно. Другой вариант изучения названных обстоятельств: не определившись с границами, двигаться внутри их совокупности и пытаться анализировать каждое из них по отдельности. Используя подобную методику, не только невозможно добиться исчерпывающего анализа криминогенных обстоятельств, но даже не удастся решить проблему простого перечисления и описания всех рассматриваемых обстоятельств. Мы ведь не установили точный предел, дальше которого не имеет смысла двигаться в изучении криминологически значимых обстоятельств. Методология как раз позволяет установить этот предел и границы движения аналитической мысли: его начало и конец.

Еще одно важное свойство методологического знания, на которое мы выше уже обратили внимание, — его общий, или «предваритель-

ный», а отсюда проблемный характер знания своего объекта, на котором сосредоточено основное внимание. Во-первых, проблематичность методологии выражается в том, что она не задает объектное целое полностью, а только «предварительно» — в самом общем виде, контурно, концептуально. И передает его науке, чтобы сообща прорисовывать, достраивать, детализировать уже на ее языке, с помощью ее специфических приемов. Во-вторых, проблематичность вместе с тем означает также гипотетичность, некоторую условность предлагаемого методологией знания. Провести границы криминологически значимых обстоятельств, увидеть предмет криминологического знания как целое с философских позиций означает то же самое, что произвести «акт конституирования объекта, представляющего собой предмет бескорыстного интереса исследователя» [5]. Акт конституирования объекта в нашем понимании равнозначен конструированию, производству нового, введению в научный оборот, даже выработке гипотезы, постулированию основополагающих положений и др. Все эти термины обозначают разные моменты рассматриваемого действия, творческий и сознательный аспекты методологической работы. Предмет науки производится самой наукой с помощью методологии. При этом, конечно, акт конституирования объекта науки должен рассматриваться как процесс, который разворачивается в историческом времени.

Методология, несомненно, составляет необходимый момент в криминологическом дискурсе, о котором шла речь в нашей предыдущей статье [6] и на котором в этой статье мы специально не останавливались. Функционирование в криминологическом дискурсе методологического знания и тем более его сознательная артикуляция определяют в конечном счете научный уровень дискурса, учитывая те функции, которые методология выполняет в движении научного знания. Наука в отсутствие развитой методологической позиции не способна производить акты конституирования своего объекта. И поэтому, как указывает уже цитировавшийся Г.Б. Гутнер (и не только он), образует «весьма аморфную совокупность практик, концепций и институтов», а в другой терминологии — гипотез, принципов, фактов, фактических сведений, фрагментов знаний и др., слабо связанных между собой, разве что простой общностью формальной рубрики, под которой они все проходят.

Акт конституирования объекта является творческим и сознательным, а в связи с этим обстоятельством несет на себе отпечаток свойств субъекта, его производящего. Отсюда же вытекает безусловность и многовариантность результатов его творения. Они будут обязательно оспорены в дискурсе, ведь для этого, в частности, дискурс и происходит, чтобы пройти необходимую проверку, показать свою эффективность и быть принятым или отвергнутым в конечном итоге научным сообществом. Субъекты дискурса, формулируя свою позицию, исходят из своих субъективных предпочтений и возможностей, а также учитывают и современное состояние науки, перспективы ее развития, междисциплинарные связи, успехи других наук, которые могут служить образцом для развития.

Поэтому естественным для любой науки представляется такое ее существование, в котором соперничают между собой за лидерство, возможно даже с переменным успехом, по меньшей мере несколько методологических позиций. Хотя классик в области методологии науки Т. Кун несколько иначе видит логику развития науки, которая в конечном счете принимает за основу господствующую парадигму (правда, подобный выбор никогда не бывает окончательным и не в состоянии остановить движение науки в сторону новой парадигмы) [7]. Исходя из многовариантности источников развития научного знания, мы предлагаем принять в качестве гипотезы позицию подвижности и неоднозначности объектных границ криминологии и сделать несколько шагов по пути ее развертывания.

Для современной криминологии, как уже отмечалось, основополагающее значение имеет глубина проникновения криминогенных элементов в ткань общественных отношений и взаимодействие их с другими — некриминогенными — элементами общества. «Детерминировать преступность, — по авторитетному замечанию А.И. Долговой, которая задает перспективное направление для криминологических исследований, — может взаимодействие и вполне положительных обстоятельств с негативными, а не только негативных» [4, с. 288].

Совершенно очевидно, что сосредоточение на анализе негативных социальных явлений, ближайших к фактам преступления и, по видимости, непосредственно детерминирующих их совершение, ведет на практике к выработке «простеньких» и неэффективных профилактических рекомендаций по противодействию

преступности. И первоисточник подобной простоты состоит, на наш взгляд, вовсе не в использовании упрощенной (линейной) модели детерминации преступного поведения, игнорирующей в исследовании этой детерминации диалектическое взаимодействие, причинные комплексы и самодетерминацию преступности. Искомый источник — использование позиции, которая изначально уводит в сторону от изучения системы общественных отношений, позволяющего в конечном итоге представить всю совокупность криминологически значимых социальных обстоятельств. Негативные социальные явления составляют только важную часть подобной совокупности.

Сама практика борьбы даже с тяжкими преступлениями при изучении криминогенных обстоятельств отчетливо обнаруживает необходимость более глубокого продвижения в ткань общественных отношений, чем об этом свидетельствуют их ближайшие причины, условия и факторы. В подходах к средне- и долгосрочной борьбе с насильственными преступлениями приоритет следует отдавать не силовой реакции на подобные преступления, а социальной и адаптационной составляющим, включая борьбу с бедностью, безработицей и алкоголизмом, а также улучшение жилищных условий населения. Рассматриваемое утверждение предлагается в качестве вывода, вытекающего из результатов недавнего исследования Института проблем правоприменения. Исследование обнаружило «высокую концентрацию криминального насилия (убийств и тяжких телесных повреждений) в нескольких общественных стратах. На 96 % населения РФ приходится менее четверти таких преступлений... Основная масса тяжкого насилия совершается внутри маргинального слоя — половина среди безработных, еще около четверти добавляют работники физического труда» [8].

Рассматриваемый вывод представляется банальным: бедность, безработица, алкоголизм, плохие жилищные условия действительно являются криминогенными факторами, которые находятся и действуют на самой глубине общественных отношений. Вместе с этим выводом приоткрывается также простая истина: правоохранительные органы не способны один на один эффективно противодействовать преступности. Названные факторы не в их власти. Для такого противодействия необходимо взаимодействие со многими другими институтами общества. Ведь даже самые затратные ресурс-

ные вливания в каждое из указанных направлений по отдельности не приведут к желаемому результату.

Однако организация названного взаимодействия требует уже межведомственной координации. И от практики подобного взаимодействия, осуществляемого в современных условиях, не стоит ожидать заметных результатов даже в обозримой текущей деятельности, не говоря уже о средне- и долгосрочной перспективе. Для этого отсутствует не только наработанный опыт, но и, самое главное, необходимый уровень научного обеспечения, который предполагает обоснование приоритетов и взаимосвязей внутри межведомственного комплекса, обслуживающих движение в направлении выявленных приоритетов, их детализация.

В заявленном для рассмотрения комплексе самую заметную роль играют его участники, проходящие по ведомству социальной политики. Государство в разной степени поддерживает решение большинства самых заметных социальных проблем, некоторые из которых заявлены в качестве приоритетных. Но приоритеты в этой широкой сфере установлены или согласны «голосам», идущим от общества, или по мнению влиятельных людей. Все это свидетельство того, что настоящей, научно обоснованной социальной политики у государства нет. Она строится вслепую. Для проведения иной политики отсутствуют объективные данные, которые могут появиться только при опоре на глубокие теоретические и прикладные исследования [9].

Включение же в рассматриваемый комплекс на равных с другими его участниками правоохранительного блока на данной стадии вообще проблематично. Для выработки представления о возможном синтетическом профилактическом воздействии на преступность всего комплекса современная российская криминология не обладает необходимым кругозором. В связи с отсутствием подобной компетенции можно отнестись с пониманием критического отношения заметной части криминологического сообщества к наметившейся тенденции «социологизации» криминологии.

Наиболее «сильная» критика проявляется, например, в заявлениях о том, что подмена криминологии социологией дезориентирует правоохранительные органы и в конечном счете способствует ослаблению борьбы с преступностью. Конечно, современной криминологии «социологизация» никоим образом угрожать

не может, и тем более не может быть и речи о подмене криминологии социологией преступности. Существование самой научной социологии как единого целого на сегодняшний момент времени вообще проблематично. В криминологии же пока наблюдаются лишь попытки использования знаний социальных наук в криминологических исследованиях, реализации потребности в междисциплинарных взаимодействиях. Непонятно, как эти попытки могут помешать борьбе правоохранительных органов с преступностью.

Они — главный участник борьбы с преступностью. Но если для ее искоренения недостаточно только полицейских мер даже при любом их усилении — и это признано всеми, то надо подумать об организации общего фронта борьбы с преступностью и о решении перспективной задачи совершенствования этой организации. У правоохранительных органов в общем деле есть свои задачи, средства и методы. Криминология не может и не должна работать только на правоохранительные органы без ущерба для своей репутации и призвания, в том числе научного. Она должна думать и об организации общего дела, заботиться о фундаментальности профилактического воздействия на преступность.

Объятия правоохранительных органов способны задушить научный потенциал криминологии, ее прикладные компетенции, затормозить их развитие в соответствии с потребностями современного общества. Наука всегда должна работать на перспективные практики, готовиться к их освоению, иначе она обречена на деградацию. Криминология, находясь на полицейском поводе, ни в какой перспективе не разовьет свой потенциал и новые компетенции.

Возможно, для криминологической науки привычно и удобно оставаться в лоне юридических наук и полицейских по существу профилактических практик, известных заранее объекта и предмета, традиционного учебного курса, освоенных учебных дисциплин. Поле тяготения для всего криминологического разнообразия определяет соответствующий методологический императив. Принципиальная особенность методологической позиции, используемой российским криминологическим мейнстримом, состоит в изначальной заданности и жесткой схематизации видения возможной совокупности криминогенных обстоятельств. Они обязательно должны попадать в пространство социально

негативных общественных отношений, ближайших к фактам преступного поведения и непосредственно детерминирующих это поведение.

Жесткость обозначенных границ для совокупности общественных обстоятельств, имеющих криминологическое значение, и вытекающее отсюда отсутствие самой потребности в изменении этих границ затрудняют или вовсе исключают поиск новых обстоятельств, включение в свое лоно обстоятельств иного рода. Соответственно, исключается легальная возможность действовать на виду у криминологического сообщества в областях криминологического неизвестного, неопределенного, спорного, не опасаясь остракизма. Пугало аморфной массы деликтов отчетливо выявляет пределы криминологического анализа на основе принятой методологии. На наш взгляд, именно жесткость в фиксации области нахождения интересующих криминологию общественных обстоятельств является источником для всех проявлений методологических тупиков современной российской криминологии. Здесь они находят свое выражение в предельно заостренной форме.

Императивность основной методологической позиции проявляется прежде всего в ее неспособности приспособиться к обстоятельствам другого рода, отличным от заданных. Она прямо накладывается на действительность, и все, что не попадает в пространство ее наложения, отбрасывается или принимается лишь формально, в качестве сопутствующего и не имеющего определяющего значения. Множество важных нюансов, неизбежно возникающих при любом конкретном исследовании, например противоречивое влияние неких аспектов социальной среды, не могут быть освоены без уточнения исходной схемы. Просто не представляется возможным оценить их на предмет криминологического значения. В то же время появление возможности их включения в систему криминологического знания свидетельствовало бы о гибкости принятой позиции и способности этой позиции к освоению новых сфер действительности.

Наличие некоторой гибкости в методологии — ключ к способности науки к развитию. Рассматриваемые жесткость и тупиковость основной методологической позиции представляются в известной степени естественной для любой науки проблемой, в наличии которой нет никакой безысходности. Всегда существует достаточно определенная и известная объектная сфера, в которой она успешно работает. Для

обеспечения подобной работы действуют негласно существующие запреты на выход за пределы видимой успешности.

Видимая успешность науки может эпизодически или систематически нарушаться при столкновении с неизвестными, инородными и проблематичными для нее ситуациями и явлениями, для освоения которых на основе базовой методологической позиции отсутствуют необходимые компетенции. Тогда и появляются первые намеки на тупики в методологии. Для науки естественным является стремление распространить свои компетенции на неизведанные области действительности. Если наука оказывается способной их освоить, опираясь на свою общую схему, то она успешно развивается [10–13].

Основное условие научного прогресса — гибкость используемой методологии. Чтобы приобрести необходимую гибкость, методологии требуется модификация или параллельно с ней должны развиваться альтернативные и конкурирующие методологические позиции. Когда же обнаруживается принципиальная неспособность к освоению новых сфер научного анализа в силу занятой методологической позиции и к приобретению методологической гибкости, наступает последняя стадия в движении к методологической тупиковости. Преобладающим занятием науки в этой ситуации становится воспроизводство заданного и известного знания. Для такой науки характерным является полное отсутствие способности к эвристике. У каждой науки свой путь к обретению требуемой методологической гибкости, чтобы ее тупики не стали застойными и непреодолимыми.

Теоретически следует выделить два полюса в установлении позиций в исследовании криминогенных обстоятельств: 1) криминогенные обстоятельства могут быть только такими, какими мы их постулировали, опираясь опять-таки на введенные нами критерии; и, пройдя некоторую часть пути по рассмотрению и критическому осмыслению названной позиции, мы убедились в непродуктивности и тупиковости подобной мейнстримовской установки; 2) при другой крайней позиции криминогенные обстоятельства могут быть любыми, т.е. находиться на любой глубине изучения общества, присутствовать в любом слое общественных отношений (экономике, политике, собственно социальных отношениях, культуре и др.).

В идеале в пределах развертывания общественных взаимодействий общество в своем

целом производит преступность. И поэтому любые его элементы, «чистые» и «нечистые» и совокупность их взаимосвязей, так или иначе участвуют в детерминации преступного поведения. По этой причине объектная граница общественных связей, которые могут представлять потенциальный интерес для криминологии, — криминогенных обстоятельств — может отодвигаться сколь угодно глубоко или далеко от непосредственных фактов преступлений, а не ограничиваться только непосредственным или ближайшим их окружением. И это продвижение границы совокупности криминогенных обстоятельств совместимо с общей посылкой и никоим образом не способно ее разрушить. Ведь не существует никаких достаточных оснований, чтобы без специального предварительного изучения в каждом конкретном случае установить предел в развертывании цепочки общественных взаимодействий и добиться исчерпывающего объяснения природы преступного поведения.

От современной криминологии в ее исследовании криминогенных обстоятельств отнюдь не требуется достижения подобной абсолютной гибкости или даже приближения к ней. Необходимо продвижение по всему фронту изучения воздействия социальной среды на преступное поведение, раз уж она рассматривается как одно из важнейших условий в генезисе преступного поведения. Далее при рассмотрении разнообразных ситуаций остается разбираться, какие ее проявления, аспекты, каким образом, в цепочке каких взаимодействий оказывают криминогенное воздействие на индивидуальное поведение. Методологическая гибкость в нашем понимании предполагает, что, чтобы определиться с некоторой общей позицией, наука должна пройти путь изучения многих и многих частных в движении общественного целого. И этот путь, видимо, современной российской криминологии придется проходить раз за разом систематически. Только на такой основе может получить преобладающее значение движение криминологической мысли от общего к частному. Она еще далека от формирования действительно общей криминологической теории. Позиции криминологического мейнстрима не позволяют охватить весь фронт, всю проблематику криминологических исследований — действующую и перспективную, возможную, — и направлять все многообразие исследований, обеспечивать их концептуально.

Если заранее не получается определиться с тем, какой конкретный аспект социальной среды сам по себе, как таковой является источником криминогенных обстоятельств, то необходимо привлечь к анализу некие дополнительные обстоятельства, которые первоначально хотя бы гипотетически, приблизительно, косвенным образом детерминируют криминогенное поведение. Существует большой перечень явлений, которые не дотягивают до непосредственной детерминации проявлений криминальности, но, тем не менее, по своей предполагаемой действительности находятся ближе к криминальности, чем другие общественные явления. Мы их перечислим без точного определения их координат в системе общественных взаимодействий и всякой субординации. К этим «подозрительным» общественным явлениям относятся девиантное поведение, аномия, лоббизм, нарушение норм морали и профессиональной этики, непрозрачность для контроля, теневая экономика, семейственность, нонконформизм, инакомыслие, информационная асимметрия, конфликт интересов, локальные договоренности, дефекты общественного сознания, отсутствие взаимного доверия и многие другие. Сюда же включаются более фундаментальные явления или даже их комплексы, такие как деформация и дисфункция в организации и протекании общественных процессов. Вместе с ними обозначается и широкий круг общественных наук, которые уже давно и более основательно, чем криминология, занимаются исследованием рассматриваемых явлений. Но использование результатов этих исследований может послужить для развития криминологии, не подменяя собой, конечно, традиционные ее направления.

Возможно, одно из самых важных направлений криминологических исследований «подозрительных» общественных явлений обозначил в бытность заместителем председателя Следственного комитета России И.В. Краснов, назвав среди фундаментальных источников коррупции «коррупцированность общественного сознания», «атмосферу, потворствующую коррупции» и «недостатки нормативной базы» [14]. Ему вторит не менее известный и уважаемый в российском обществе директор школы Е.А. Ямбург, который увидел глубокие корни «коррупции и прочих «прелестей» нашего века» в отсутствии взаимного доверия («когда все обманывают всех») и призвал к восстановлению

«нравственной шкалы ценностей» для искоренения названных «прелестей» [15].

Все обозначенные особенности современных общественных отношений не проходят собственно по ведомству «традиционной» криминологии. Поэтому они находятся в лучшем случае на обочине ее внимания. Другой вопрос, кому и на какой научной основе исследовать указанные проблемные направления.

Среди самых заметных, важных и привлекательных направлений исследования, пограничных с «традиционными» криминогенными обстоятельствами слоев общественных отношений, «продвинутых» вглубь общества, находятся области гражданско-правовых, административно-правовых, дисциплинарных и других деликтов. Очевидна тонкая и во многих случаях условная грань между ними и теми нарушениями, которые объявлены криминальными. Эта грань в каждом конкретном случае проведена в Уголовном кодексе, хотя и является в некотором смысле подвижной. Но может быть, менее очевидной в уголовно-правовом смысле видится связь, которая не зафиксирована и не продумана на всю глубину в Уголовном и во всех названных кодексах. Эта связь, тем не менее, является эмпирической данностью и подлежит более внимательному изучению. Уже в бытовой жизни мы наблюдаем, как из мелких нарушений возникают крупные. Хотя бы в силу названного обстоятельства и своей массовости мелкие нарушения несут главную опасность: к ним привыкают и на их фоне крупные нарушения становятся менее заметными.

М. Фуко приводит целый ряд оснований, по которым мелкие нарушения опаснее крупных. Они, например, в виде множества дисциплинарных нарушений порождают длинную цепь обстоятельств, приводящих в конечном итоге к преступлениям [16]. Характерен в этом отношении приводимый автором пример так называемой народной преступности, с которой в силу ее массовости и по социально-политическим основаниям государство не может или не ставит задачу справиться и допускает чуть ли не легальное ее существование. В наше время аналогом «народной» преступности может служить целый комплекс явлений в сфере так называемой теневой экономики. В советское время они включали приписки, спекуляцию, хозяйственную инициативу и др. [17].

На наш взгляд, современная российская криминология, настаивая на критерии непо-

средственности в обозначении криминологически значимых общественных связей, не способна к полноценному расширению своей традиционной проблематики и продвижению вглубь общества принятой за основу и устоявшейся криминогенной системы. Еще более серьезный вызов, чем изучение негативных социальных отклонений, представляет собой включение в совокупность криминологически значимых обстоятельств некоторых позитивных явлений общества, ведущих при их взаимодействии с негативными явлениями к детерминации преступности. Заготовленный современной криминологией способ разрешения возникающих при этом проблемных ситуаций, претендующий на универсальность, нуждается в критическом осмыслении.

Этот способ состоит в обращении за помощью к специалистам других областей знания и передаче им эстафеты: мы, криминологи, свое дело сделали, дошли до пределов своей компетенции, пускай теперь эти специалисты двигаются вглубь изучения общественных взаимосвязей, т.е. занимаются детализацией экономических, социальных, психологических и др. аспектов выявленных криминогенных обстоятельств. Однако, во-первых, то, что по форме выглядит как передача эстафеты, в своем содержании представляет собой организацию междисциплинарного взаимодействия. Подобная роль криминологии предопределена спецификой ее претензии — видеть сразу целиком всю совокупность криминогенных обстоятельств. Во-вторых, передавая эстафету, необходимо правильно поставить проблему: в каком направлении должна происходить требуемая многоаспектная детализация и что должно выясниться в конечном результате. В противном случае любое движение вглубь общественных взаимосвязей превратится в слепое блуждание и обречено на неудачу.

Постановка проблемы опять-таки предполагает видение искомого целого, т.е. всей совокупности криминогенных обстоятельств, которое, казалось бы, должно быть известно криминологу заранее, до начала любого исследования, по самой природе его знаний. Существование подобной компетенции необходимо принять, правда, только в идеале, принципе. Однако одно дело, когда рассматривается «система социально негативных отношений, явлений и процессов» [18, с. 44] и их негативность однозначно признается государством и обще-

ством. Другая ситуация возникает, если в рассматриваемую систему включаются разнородные элементы, которые диагностируются как «черные», «серые», «белые», и между ними происходит взаимодействие, формирующее совокупность неких обстоятельств. Тогда придется разбираться в «цветовой гамме» образовавшейся совокупности разнородных обстоятельств, учитывать и обосновывать, какие из них можно приобщить к криминогенным обстоятельствам, а какие нельзя.

Поскольку заранее невозможно проследить на «всю глубину» совокупность криминогенных обстоятельств, постольку так называемая передача эстафеты (аутсорсинг — в экономической терминологии) становится бесполезной или ее лучше придержать до выяснения всех значимых обстоятельств. Для решения проблемы «цветовой» неоднородности криминогенной системы существует, на наш взгляд, другой способ: передвинуть границу, в пределах которой следует наблюдать криминологически значимые обстоятельства, т.е. предмет криминологии. Лучше передвинуть границу, регулирующую глубину криминологического анализа общественной проблематики, насколько это возможно, если не получается решить обозначенную проблему с помощью использования традиционной криминологической диагностики.

Любой вариант продвижения вглубь общества равнозначен изменению границы криминологического анализа и ведет к попаданию в область криминологического неизвестного. В этой области требуется специальное исследование того, что ранее предполагалось известным: совокупность криминогенных обстоятельств, в принципе, была задана самим предметом криминологии. Теперь же тест обстоятельств на криминогенность, как и объект криминологического анализа, придется конструировать заново, а уже после этого определяться с совокупностью криминогенных обстоятельств.

В сложившейся ситуации задать новую совокупность обстоятельств, которые будут проверяться на криминогенность, можно только одним способом: они определяются исходя из границ конкретной социальной системы, в которую входят рассматриваемые обстоятельства. Для этого необходимо дополнительно предположить, что в пределах обозначенной системы происходит криминогенный процесс, генерирующий поток криминологически значимых обстоятельств. Следует также заметить, что рас-

смаатриваемая социальная система производит множество полезных для более широкой социальной системы результатов, для производства которых она, собственно, и предназначена.

В связи с этим не могут не возникнуть дополнительные трудности с тем, чтобы различать в движении системы полезные, бесполезные, а также вредные результаты и детерминирующие их обстоятельства. Например, важная особенность экономических преступлений состоит в том, что они происходят в рамках обычной хозяйственной деятельности и поэтому чаще всего явно не выделяются в общем потоке среди многих других ее составляющих. Требуются специальные исследования, включая экспертизу, контролирующие действия, чтобы установить, в каких случаях и при каких обстоятельствах происходят отклонения от нормального хода событий, диагностировать эти отклонения. Необходимо разбираться во всех обстоятельствах: в каких случаях произошла ошибка в деятельности, а в каких имели место непрофессионализм, оправданный риск и мелкие нарушения, произошел ли сбой в силу непреодолимых обстоятельств или др. Априори, до и без предварительного исследования, во всех перечисленных случаях никто не может объявить о присутствии в них криминогенных обстоятельств.

Исходный же пункт для проведения «глубинного» криминологического исследования области криминологического неизвестного составляет понимание специфики подлежащей изучению социальной системы, заполняющей обозначенную область. В отсутствие знаний о ее предназначении и других специфических характеристиках, в том числе особенностях нормативного регулирования, любые последующие аналитические действия могут быть только случайными и лишены смысла. В свете специфики социальной системы, которая и определяет глубину проникновения в общественные отношения, появляются новые возможности заметить и рассмотреть криминологическое значение социальных, экономических, психологических, моральных и других свойств и их пересечений взаимодействующих в ее рамках субъектов. Точно так же такое же значение могут приобрести участвующие в формировании криминогенных обстоятельств некоторые структурные и функциональные характеристики субъектов социальной системы (например, роли, статусы, позиции и др.), а не только особенности их взаимоотношений с нормативной системой.

Очевидно, что для современной российской криминологии, исходя из занимаемой ею основной методологической позиции, значительная часть общественных явлений находится в области криминологического неизвестного. Характерная особенность этой области, как мы заметили, состоит в переплетении и переходах «черного», «серого» и «белого» аспектов общественных отношений. В криминологии отсутствует развитая компетенция в изучении названных переходов. В этих условиях большая часть некоторых даже опасных преступлений (более 90 %) вообще попадает в разряд невидимых для криминологии. Речь идет прежде всего об экономических и коррупционных преступлениях.

Они составляют настоящий вызов для современной криминологии. По компетентному замечанию Бу Свенссона, социально-психологические характеристики экономических преступников не отличаются от таких же характеристик студентов вузов [19]. Недавние исследования, показывают поразительные результаты. Эксперты находят у коррупционеров черты, которые ничем не отличают их от представителей российского среднего класса. Более того, исследователи сообщили, что в числе отвергаемых коррупционерами ценностей оказались материальное благосостояние, развлечения и общественное признание. Зато главными ценностями для них являются любовь, свобода, семья, дети, здоровье и образование [20].

Серьезные затруднения в уголовно-правовой оценке и криминологической экспертизе наблюдались и в предшествующие современности периоды жизни нашего общества. При переходе к новой общественной системе в 1990-е гг. основные из них были вызваны действием общественных механизмов, которые «стирают границы между преступной средой и другими слоями населения» [4, с. 287]. Среди них заметное место занимает политика приватизации — по своей сути прямое, нарушающее большинство ранее установленных законодательством норм вмешательство государства в социально-экономические процессы. Основным результатом этой политики — переход значительной части государственной собственности в частные руки, создание слоя крупных частных собственников. В общественном сознании до сего времени преобладает негативная оценка рассматриваемой политики и ее результатов. Как правило, подчеркивается их несправедливость, поскольку сравнительно небольшая и

привилегированная группа общества захватила значительную часть государственной собственности, которая к тому же ранее представлялась в качестве общенародной.

В связи с этим любая попытка криминологической экспертизы потока нарушений и преступлений, даже отдельных из них, порожденных актами приватизации и их проведением в жизнь, при всей ее фантастичности должна представить в конечном итоге самый глубокий срез общественных отношений по всем их уровням и слоям, начиная с политики. Без включения политики подобная экспертиза вообще не может начаться. Мы не настаиваем, что пришло время для проведения подобных экспертиз. Для этого просто отсутствует общественный заказ, сформулированный во внятной форме.

В процессе исследования мы установили, что криминологически значимые обстоятельства могут в принципе оказаться в любом слое общественных отношений, принадлежать любому из возможных аспектов их рассмотрения. Этот вывод, на наш взгляд, тождественен обретению методологической гибкости в криминологическом анализе. На уровне общественного целого произвести такой срез общественных взаимодействий, который бы захватывал все слои и возможные аспекты общественных взаимодействий, не представляется возможным. Ни одна общественная наука не обладает необходимыми компетенциями, чтобы произвести всесторонний анализ социальной среды как таковой. Они предпочитают удовлетвориться разработкой ее конкретных аспектов или изучением локальных образований, ограниченных пространством, временем, территорией, масштабом, сферой и др.

В криминологии наиболее известными и значимыми относительно локальными объектами анализа являются виды преступлений. Другие образцы подобных локальных объектов задают преступления и противодействие им в различных сферах экономической и общественной жизни, например в кредитно-денежной, налоговой, торговой, государственных заказов и др. Основная особенность исследования подобных криминологических объектов — преобладание нормативного аспекта в их описании. Учет особенностей нормативного оформления, контроля и регулирования этих сфер представляется необходимым для криминологической характеристики любых объектов.

Однако названные и им подобные образования не обладают специфическими свой-

ствами социальной системы. Такие свойства локальные системы получают от «большой» социальной системы. При этом в локальной системе, чтобы она называлась социальной, должны наличествовать в принципе все или по меньшей мере некоторые элементы, слои, сферы, аспекты «большой» социальной системы. Основные свойства социальной системы возникают благодаря взаимодействию ее необходимых моментов — собственно социального, экономического, правового, политического, культурного, социально-психологического и др. Из этого взаимодействия образуется богатство подобных социальных систем как возможных объектов криминологического анализа [21].

В развитие концепции методологической гибкости выделение локальных социальных систем в качестве объекта криминологического анализа, во-первых, позволяет произвести срез общественных взаимосвязей в границах выделенной системы на любую глубину, т.е. приобрести способность видения возможных криминогенных обстоятельств на уровне взаимодействия элементов этой системы. Во-вторых, благодаря рассмотрению локальных социальных систем и анализу их специфических особенностей появляется возможность расширить круг наблюдаемых криминологически значимых обстоятельств, установить совокупность этих обстоятельств в полном объеме, пускай только в пределах данной системы. В связи с этим развиваются также компетенции в том, чтобы разбираться во всех тонкостях или деталях переходов белого, черного и серого цветов во взаимосвязях внутри нее. Эти тонкости незаметны при взгляде на локальную систему с более широкой, общей, а тем более глобальной позиции.

Использование конкретных социальных систем в качестве основного объекта и инструмента криминологических исследований продвигает фронт этих исследований по всем возможным направлениям, включая новые и перспективные. Их открывают прежде всего области криминологического неизведанного — невидимые и неизвестные. Освоить названные области, оставаясь на традиционной позиции, невозможно.

В то же время, опираясь на методологическую гибкость, мы разрушаем единый объект криминологического анализа, превращаем его во множество разрозненных локальных объектов. Но и продвижение криминологической тра-

диции вглубь общества наталкивается на известные границы, связанные с анализом специфики рассматриваемых областей социума, на который современная российская криминология не способна. Эти границы непреодолимы даже при использовании любых известных на сегодняшний день модификаций общей схемы. В связи с этим попытки тиражирования схемы, по существу не являющейся универсальной, создают только видимость сохранения общей позиции.

Любое общее понятие всегда будет оставаться проблематичным. Попытки его применения к реальности неизменно наталкиваются на разнообразие жизни, которое не может не противоречить ее схематизации. Рассматриваемое противоречие наука пытается разрешить с помощью нахождения так называемых промежуточных звеньев, преодолевая тем самым естественный разрыв между сущностью и явлениями. Опять-таки во всех ситуациях, связанных с проблематичностью общего понятия, методология играет роль своеобразной высоты, с которой обзревается ситуация в целом, движение противоречия на всех его этапах. В нашем случае занятие позиции методологической гибкости в целях углубления в общественную проблематику позволило выделить в качестве подобных промежуточных звеньев локальные социальные системы. Хотя их применение и не исчерпывает проблемы в целом.

Движение от общего к частному составляет только часть научной проблематики. Исследование частных, обогащая науку конкретным знанием, подготавливает появление новых понятий, выводит на новый уровень ее общее понятие. Важно, чтобы в этом движении подобные исследования не превратились в самоцель, не приобрели самодовлеющее значение, а находились в русле общего движения науки, которое преодолевалось бы их разрозненность.

Чтобы восстановить общее криминологическое понятие в статусе работающего, необходимо вновь и вновь возвращаться к истокам — общим предпосылкам науки, исходя из которых и формируется это понятие. Напомним, что в качестве общего понятия в нашем исследовании выступает традиционная криминогенная система. Криминогенная система конструируется самой наукой. Тем самым проводится граница между той частью общества, которая так или иначе участвует в производстве преступности, и остальной его частью, не участвующей в этом производстве. Первая часть общества представ-

ляет интерес для криминологии, вторая — ее не интересует вовсе. Так решается в принципе вопрос о глубине проникновения преступности в общество. Но это легкое решение рассматриваемой проблемы.

В установлении объективных границ, разделяющих общество на две части и заданных в таком виде для криминологии, участвует не только государство. На позицию государства в этом вопросе прежде всего и ориентируется криминология в своей конструкции предмета исследования. Наиболее отчетливо данная позиция обозначена в Уголовном кодексе. Далее рассматриваемая позиция находит свое выражение в работе правоустановительной и правоприменительной систем государства.

Другой определяющей силой разделения общественного целого на «чистых» и «нечистых» является общество как таковое, или «обычное общество». Оно выступает порождением бесчисленного множества обычных или ежедневных взаимодействий субъектов общества и включает в себя также их собственные оценки происходящего. Участники взаимодействий оценивают все происходящее в связи с этими взаимодействиями по своей субъективной шкале. И эти оценки во многих случаях не совпадают с требованиями государства. Из трений и шероховатостей во взаимодействии общества и государства общественные явления получают всю возможную палитру суждений по поводу их окраски или оценки степени серьезности происходящих нарушений.

Общественные оценки — самый проблематичный момент в рассматриваемом взаимодействии общества и государства, которое определяет глубину проникновения криминала в общественную реальность, границы криминального мира и совокупность криминогенных обстоятельств. Любое, даже значимое движение общества не всегда становится заметным на поверхности общества и поэтому трудноуловимо, его значение выявляется только по прошествии некоторого промежутка времени, задним числом. Общество большей частью задает свою позицию в неявной форме. Своими успехами в постижении общественной реальности не может похвастаться ни одна из множества наук об обществе. Их описание реальности, как правило, является традиционно инерционным.

Классическое расхождение позиций в оценках реальности, даваемых государством и обществом, особенно отчетливо демонстрирует про-

цесс исхода Советского Союза. Заметную часть богатства его проявлений составляет множество направлений противодействия общества деятельности государства. На первое место среди этих проявлений мы поставили бы поток нарушений системы ограничений экономической деятельности. Этот поток достиг такой силы, что государство не могло с ним справиться и реагировало только на отдельные эксцессы. Существование подобной нормативной системы к тому же явилось главным препятствием для социально-экономического развития страны.

Общественность играет все более заметную самостоятельную роль в делах современного российского общества и государства. Она же представляет собой основную и невидимую силу в действии упомянутых выше механизмов стирания границ между преступной средой и другими слоями населения в современных условиях, а также является источником формирования области криминологического неизвестного. Увеличение значения общественности во взаимодействии с государством делает проведение границ общества, производящего преступность, все более сложной задачей. Эти условия уже не допускают простого решения проблемы предмета криминологии. Точка зрения «господствующих общественных отношений» сегодня уже не является столь убедительной и очевидной, как это было ранее.

Упомянутое простое решение вопроса о предмете криминологии не только не позволяет видеть искомое общество на всю возможную глубину, но и как раз создает новые проблемы

в движении науки, вроде методологических тупиков. Наука сознательно проводит границы своих исследований, опираясь при этом на устойчивые традиции и учитывая рассмотренные выше ориентиры, которые задают государство и общество.

Современная российская криминология поступает опрометчиво, уделяя мало внимания ориентировкам, источником которых являются движения общественности. Тем самым игнорируются важные сигналы, создаваемые этими движениями и содержащие информацию о возможных, но скрытых звеньях цепочки криминогенной детерминации. Чтобы своевременно откликаться на подобные сигналы, необходимо проявлять методологическую гибкость, расширять свой профессиональный кругозор.

Общественная реальность не может не включаться в предмет криминологии. В этом вопросе позиция криминологического сообщества не может не быть единодушной. Но на какой глубине исследования этой реальности при рассмотрении различных аспектов производящего преступность общества в его целостности следует остановиться, каждый отдельный криминолог-исследователь решает самостоятельно. И в решении данного вопроса вряд ли можно ожидать такого же единодушия. При этом, на наш взгляд, необходимо считаться с объективными тенденциями и проблемами, которые выявляются в процессе изучения феномена преступности в контексте реальности как таковой, а не ограничиваться ее застывшей на все времена конструкцией частичного детерминизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философия экономики. Антология : пер. с англ. / под ред. Д. Хаусмана. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. — 520 с.
2. Friedman M. Essays in Positive Economics / M. Friedman. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1953. — 328 p.
3. Бергер П. Личностно-ориентированная социология / П. Бергер, Б. Бергер, Р. Коллинз. — Москва : Акад. проект, 2004. — 608 с.
4. Криминология : учебник / под ред. А.И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : Инфра-М, 2013. — 1008 с.
5. Гутнер Г.Б. Науки в контексте человеческих практик (конструктивизм и эпистемология о начале науки) / Г.Б. Гутнер // Вопросы философии. — 2017. — № 7. — С. 147–157.
6. Суходолов А.П. Криминологический дискурс: «классика», современность, перспективы / А.П. Суходолов, А.Ф. Московцев. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).181-196 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 181–196.
7. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions / T.S. Kuhn. — Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1970. — 340 p.
8. Сапожков О. Насилие упало на социальное дно. Борьба с тяжкими преступлениями требует не полицейских мер, а снижения бедности и пьянства / О. Сапожков // Коммерсантъ. — 2019. — 12 дек. — С. 1–2.
9. Панюшкин В. Недостоящее звено. Могут ли НКО решить социальные проблемы в России / В. Панюшкин // Коммерсантъ. — 2020. — 31 янв. — С. 6.
10. Becker G.S. The Economic Way of Looking at Life / G.S. Becker // Journal of Political Economy. — 1993. — Vol. 101, № 3. — P. 385–409.
11. Becker G.S. Economic Analysis and Human Behavior / G.S. Becker // Advances in Behavioral Economics / ed. L. Green, J. Kagel. — New Jersey : Ablex Publishers Corporation, 1987. — Pt. 1, chap. 1. — P. 3–17.

12. Polanyi K. The Economy as Instituted Process / K. Polanyi // *The Sociology of Economic Life* / ed. M. Granovetter, R. Swedberg. — Boulder : Westview Press, 1992. — P. 29–51.
13. Thevenot L. Organized Complexity: Conventions of Coordination and the Composition of Economic Arrangements / L. Thevenot // *European Journal of Social Theory*. — 2001. — Vol. 4, iss.4. — P. 405–425.
14. Краснов И. «Устранить из коррупционных схем их главных бенефициаров» / И. Краснов ; беседовал М. Варыдин // *Коммерсантъ*. — 2020. — 13 янв. — С. 4.
15. Ямбург Е.А. Педагогика non-fiction. Школа — единственная институция, занятая восстановлением шкалы ценностей / Е.А. Ямбург ; беседовал С. Рыков // *Литературная газета*. — 2019. — 30 окт. — С. 4.
16. Foucault M. *Surveiller et Punir. Naissance de la Prison* / M. Foucault. — Paris : Gallimard, 1975. — 313 p.
17. Московцев А.Ф. Свет и тени современной советской экономики / А.Ф. Московцев, И.Т. Таджибаев. — Душанбе : Дониш, 1990. — 222 с.
18. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецова ; под ред. В.Н. Кудрявцева. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 208 с.
19. Свенссон Б. Экономическая преступность / Б. Свенссон ; пер. со швед. Ю.А. Решетова ; под ред. М.А. Могунвой. — Москва : Прогресс, 1987. — 160 с.
20. Алехина М. Психологи прокуратуры определили моральные ценности коррупционеров / М. Алехина // РБК. — 2019. — 1 авг. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2019/5d42c8919a79477e9af8d98e>.
21. Клямкин И.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование / И.М. Клямкин, Л.М. Тимофеев. — Москва : Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2000. — 595 с.

REFERENCES

1. Hausman D. (ed.). *The Philosophy of Economics. An Anthology*. Cambridge University Press, 1984. 536 p. (Russ. ed.: Hausman D. (ed.). *Filosofiya ekonomiki. Antologiya*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2012. 520 p.).
2. Friedman M. *Essays in Positive Economics*. University of Chicago Press, 1953. 328 p.
3. Berger P., Berger B., Collins R. *Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya* [Personality-oriented Sociology]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 608 p.
4. Dolgova A.I. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. 4th ed. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2013. 1008 p.
5. Gutner G.B. Science in Context of Human Practices. Constructionism and Evolutionary Epistemology about the Beginning of Science. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2017, no. 7, pp. 147–157. (In Russian).
6. Sukhodolov A.P., Moskovtsev A.F. Criminological Discourse: «Classics», Modernity, Prospects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 181–196. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).181-196. (In Russian).
7. Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. University of Chicago Press, 1970. 340 p.
8. Sapozhkov O. Violence fell to the bottom of the society. Counteraction to grave crimes requires not police measures, but a reduction of poverty and alcoholism. *Kommersant'*, 2019, December 12, pp. 1–2. (In Russian).
9. Panyushkin V. The missing link. Can NGOs solve social problems of Russia. *Kommersant'*, 2020, January 31, pp. 6–6. (In Russian).
10. Becker G.S. The Economic Way of Looking at Life. *Journal of Political Economy*, 1993, vol. 101, no. 3, pp. 385–409.
11. Becker G.S. Economic Analysis and Human Behavior. In Green L., Kagel J. (eds.). *Advances in Behavioral Economics*. New Jersey, Ablex Publishers Corporation, 1987, pt. 1, chap. 1, pp. 3–17.
12. Polanyi K. The Economy as Instituted Process. In Granovetter M., Swedberg R. (eds.). *The Sociology of Economic Life*. Boulder, Westview Press, 1992, pp. 29–51.
13. Thevenot L. Organized Complexity: Conventions of Coordination and the Composition of Economic Arrangements. *European Journal of Social Theory*, 2001, vol. 4, iss.4, pp. 405–425.
14. Krasnov I.; Varydin M. (ed.). «Eliminate key beneficiaries from the corruption schemes». *Kommersant'*, 2020, January 13, pp. 4. (In Russian).
15. Yamburg E.A., Rykov S. (ed.). Pedagogics non-fiction. The school is the only institute involved in restoring the value scale. *Literaturnaya gazeta*, 2019, October 30, pp. 4. (In Russian).
16. Foucault M. *Surveiller et Punir. Naissance de la Prison*. Paris, Gallimard, 1975. 313 p.
17. Moskovtsev A.F., Tadzhibayev I.T. *Svet i teni sovremennoi sovetskoi ekonomiki* [Light and shadows of modern Soviet economy]. Douchanbé, Donish Publ., 1990. 222 p.
18. Kuznetsova N.F.; Kudryavtsev V.N. (ed.). *Problemy kriminologicheskoi determinatsii* [Problems of Criminological Determination]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1984. 208 p.
19. Svensson B. *Ekonomisk Kriminalitet*. Goteborg, Tholin/Larsson/Gruppen, 1983. 104 p. (Russ. ed.: Svensson B.; Reshetov Yu.A., Mogunova M.A. (eds.). *Ekonomicheskaya prestupnost'*. Moscow, Progress Publ., 1987. 160 p.).
20. Alekhina M. Psychologists from the Prosecutor's Office identified moral values of corrupt officials. *RBC = RBC*, 2019, August 6. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2019/5d42c8919a79477e9af8d98e>. (In Russian).
21. Klyamkin I.M., Timofeev L.M. *Tenevaya Rossiya: ekonomiko-sotsiologicheskoe issledovanie* [Shadow Russia: a Study in Economy and Sociology]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2000. 595 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Московцев Александр Федорович — профессор кафедры менеджмента и финансов производственных систем

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Moskovtsev, Aleksandr F. — Professor, Chair of Management and Finance of Production Systems and Technological

и технологического предпринимательства Волгоградского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор, г. Волгоград, Российская Федерация; e-mail: zav.mmiop@vstu.ru.

Суходолов Александр Петрович — научный руководитель Байкальского государственного университета, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: science@bgu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Московцев А.Ф. Методологические тупики современной криминологии / А.Ф. Московцев, А.П. Суходолов. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).177-192 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 177–192.

Entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Doctor of Economics, Professor, Volgograd, the Russian Federation; e-mail: zav.mmiop@vstu.ru.

Sukhodolov, Alexander P. — Head of Research, Baikal State University, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: science@bgu.ru.

FOR CITATION

Moskovtsev A.F., Sukhodolov A.P. Methodological dead ends of modern criminology. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 177–192. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).177-192. (In Russian).